

ФИЛОСОФИЯ И ОБЩЕСТВО

УДК 316.4 + 316.7

DOI 10.18522/2227-8656.2021.5.3

Тип статьи в журнале – научная

АРХАИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИК В УСЛОВИЯХ ВЫЗОВОВ И КРИЗИСОВ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

THE ARCHAIZATION OF SOCIAL PRACTICES IN THE CHALLENGES AND CRISES OF CONTEMPORARY RUSSIAN REALITY

© 2021 г.

*А. П. Ситников**

© 2021

*A. P. Sitnikov**

* Южно-Российский гуманитарный институт,
г. Ростов-на-Дону, Россия

* South-Russian Institute for the Humanities,
Rostov-on-Don, Russia

Цель исследования: рассмотреть проявления процессов архаизации на уровне социальных практик современных россиян.

Objective of the study is the manifestations of the processes of archaization at the level of social practices of modern Russians.

Методологическая база исследования. Автор придерживается концепции, согласно которой процессы социальной архаизации необходимо исследовать не только как макросоциальный феномен, связанный с масштабными изменениями, вызванными трансформацией общества и его институтов, но и на уровне социальных практик – как их редукция к более простым и понятным схемам поведения.

The methodological basis of the research. The author holds the concept that the processes of social archaization should be studied not only as a macro-social phenomenon associated with large-scale changes caused by the transformation of society and its institutions, but also at the level of social practices – as their reduction to simpler and more comprehensible patterns of behavior.

Результаты исследования. Характеризуя современную реальность как продукт взаимного наложения процесса массовизации культуры и общественного сознания, инициированного индустриальной эпохой, и процесса роста потребительских ценностных ориентаций и установок, порожденного постиндустриальным социумом, автор делает вывод, что в современных условиях в России сосуществуют и взаимно стимулируют друг друга тенденции демодернизации, связанные в своем генезисе с примитивизацией внутреннего мира человека и его социальных проявлений. Социокультурные

Research results. Characterizing contemporary reality as a product of the mutual superposition of the process of mass-marketization of culture and public consciousness, initiated by the industrial era, and the process of growth of consumer value orientations and attitudes generated by post-industrial society, the author concludes that in modern conditions in Russia the trends of demodernization, associated in their genesis with the primitivization of the human inner world and its social expressions, coexist and mutually stimulate each other. The socio-cultural consequences of the industrialization era are expressed in the orientation of mass

следствия эпохи индустриализации находят выражение в ориентации массового сознания на воспроизводство стандарта. В то же время элементы социокультурной реальности постиндустриального общества, в частности, ориентация на высокий массовый стандарт потребления, утрата трудового этиоса, индивидуализм, становясь чертами массового сознания, способствуют развитию тенденции демодернизации, примитивизации повседневных практик. Отмечая утрату массовым сознанием ценностей традиционной культуры в их глубинном содержательном наполнении, автор подчеркивает симулякрический, имитативный характер присущих ему ценностных ориентаций. Социальные практики, в значительной мере приобретающие при этом характер имитации, становятся формально-презентационными, утрачивают эффективность, поскольку не руководствуются ценностями реального со-зидания.

Перспективы исследования. Обозначенные подходы к концептуализации влияния архаизации на социальные практики россиян позволят в дальнейшем исследовать специфику данных социальных практик в условиях, при которых перед российским обществом остро стоят задачи модернизации и обновления.

Ключевые слова: архаизация; массовизация культуры; социальная имитация; социальные практики; примитивизация; повседневность; симулякр

consciousness toward the reproduction of a standard. At the same time, emphasizes the author, elements of the socio-cultural reality of post-industrial society, in particular, orientation to a high mass consumption standard, loss of labor ethos, individualism, becoming features of mass consciousness, contribute to the trend of demodernization, primitivization of everyday practices. Noting the loss by mass consciousness of the values of traditional culture in their deep substantive content, the author emphasizes the simulacric, imitative nature of its inherent value orientations. Social practices, to a large extent acquiring the character of imitation, become formal and representative, lose effectiveness, because they are not guided by the values of real creation.

Prospects of the study. The outlined approaches to conceptualizing the impact of archaization on the social practices of Russians will make it possible to further investigate the specifics of these social practices in conditions under which the tasks of modernization and renewal are acutely faced by Russian society.

Keywords: archaization; massification of culture; social imitation; social practices; primitivization; everyday life; simulacrum

Введение

В ситуации нарастания архаизации в современном российском обществе социальные практики в первую очередь испытывают на себе ее влияние, выступая своеобразным ресурсом в непростых условиях переходного периода. Процессы архаизации, если их рассматривать на макросоциальном уровне, необходимо анализировать прежде всего в широком контексте исторического развития общества, влияния глобализации и внутренних системных преобразований. Эти же факторы необходимо принимать во внимание при изучении данного феномена на уровне социальных практик, однако здесь мы имеем дело не только с действием

глобальных макросоциальных факторов, но и со сложным переплетением индивидуальных и групповых мотиваций, с обилием разнообразных проявлений архаизации в массовом сознании и поведении.

На уровне социальных практик происходит сложный процесс наложения разнонаправленных тенденций и факторов. При этом именно уровень социальных практик испытывает влияние тех факторов и демонстрирует соответствующие изменения и деформации. Поэтому исследование социальных практик в процессе архаизации обладает наибольшей общественной и научно-теоретической актуальностью в настоящее время, когда перед российским обществом остро стоят задачи модернизации и обновления.

Однако, как ни парадоксально, исследование влияния архаизации на социальные практики россиян и его эффекта на этом уровне остается до сих пор белым пятном в отечественной социальной философии. В данной статье определяются основные подходы к концептуализации этой проблемы.

Социальные практики как объект архаизации

Под социальными практиками понимается «комплекс действий и взаимодействий индивидов, групп, общностей, организаций во времени и в пространстве, обуславливающий стабильное функционирование социальных институтов. Характеристиками социальных практик являются их воспроизводимость, постоянство, массовость, нормативность» (Антонова, 2009. С. 97). Это означает, что во всяком обществе существует некий нормативный стандарт взаимодействий, обеспечивающий вписанность этих практик в функционирование сложившегося институционального порядка.

Социальные практики представляют собой систему закрепившихся в культуре способов и приемов деятельности, привычное мышление и поведение, соблюдение правил, ритуалов, основой которых являются коллективные представления, ожидания и стандарты. Практики выстраиваются индивидами на основе подобных коллективных представлений, целей и притязаний.

Раскрыть содержание социальных практик помогает веберовская концепция социального действия, из которого они вырастают как из первичного элемента. Согласно теории М. Вебера, социальное действие – это «действие, которое по предполагаемому действующим лицом или действующими лицами смыслу соотносится с действиями других людей и ориентируется на них» (Вебер, 1990. С. 603).

В человеческой деятельности существенную роль играет то, что происходит с человеком изо дня в день, – повседневные практики. Это и практики его профессиональной деятельности, и повседневные бытовые действия, и действия в области досуга и отдыха. Социально-философские теории повседневности имеют дело с низовыми практиками каждодневного человеческого существования. Часть социальных практик узакониваются, обретая устойчивость, становясь социально-нормативными, существенно влияющими на социальную жизнь. Другая их часть оказывается вне границ социальных и культурных норм, создавая субкультурные или контркультурные проявления социального действия.

Практики – это «все, что мы делаем» (Волков, 2008. С. 15). Практики – реальная деятельность, которую осуществляют и переживают реальные люди в реальном времени и пространстве. Это собственно рутинные действия и привычное, повторяющееся, автоматизированное поведение в обыденных ситуациях. Инструментами этой практики могут быть собственное тело человека (голос, органы чувств), а также неодушевленный предмет в роли продолжения человека или его органов чувств.

Т.И. Заславская обращает внимание на то, что ни введение таких правил, которых не было раньше, ни установление новых организационных и функциональных форм в жизнедеятельности общества не представляют сами по себе конечную цель осуществляемых реформ, поэтому их нельзя рассматривать в качестве главного критерия оценки их результативности. В его качестве более резонно рассматривать скорее трансформацию социальных практик, в которых находит выражение повседневное поведение индивидов и социальных групп. Ведь социальные новации не содержат по умолчанию в своей природе позитивного знака. Они способны иметь и созидательный, и разрушительный характер, стимулировать как модернизационные процессы, так и архаизацию, вплоть до откровенно деструктивного в социальном плане криминального перерождения институтов, ролевого поведения и социальных практик (Заславская, 1997).

В России результаты и последствия глобализации вместе с катастрофическим для общества распадом прежних систем социального устройства – союзного государства, идеологии, нравственности – в 1990-е гг. усилили разрастание возникшего на их месте хаоса. Кризис идентификации приобрел массовый характер. Перемешалось старое и новое, вещи и имена, копии и оригиналы.

По праву считается, что в политике очень трудно разделить правду и ложь. Имитация перемен порождает такой же значимый обществен-

ный резонанс, как и перемены реальные. Имитационные практики начинают восприниматься как привычные социополитические явления. Для условий катаклизма, ломающего течение привычной жизни, глобальной трансформации общества – словом, для всего того, что происходит в России, это является естественным процессом (Сергеев, 2012).

Постсоветское общество, подвергшееся с самого начала влиянию архаизации, тяжело переживало переходный период, отличавшийся нигилизмом, деконструкцией прежней системы ценностей, моделей социальной идентичности, деструктивностью адаптационных и достигательных стратегий, преобладанием иллюзорных патерналистских чаяний, криминализацией массового сознания. При этом, согласно данным социологических опросов, у граждан не было адекватного понимания актуальных вызовов времени.

По мнению Д. Дондурей, население страны во втором десятилетии XXI в. все еще пользуется картиной мира, созданной в 1970-е гг., т. е. опаздывает на три-четыре десятка лет в восприятии всех основных вопросов: в отношении частной собственности, модернизации, событий и последствий 1990-х гг., в восприятии трудовой деятельности, социального и профессионального успеха, интеллектуального труда, феномена сталинизма, иностранных граждан. Перед лицом новых кризисов и драм люди оказались беспомощны (Дондурей, 2009).

Современный мир в целом и социум в частности меняются с молниеносной скоростью. Подобные перемены раньше были бы однозначно революционными по содержанию и масштабам, но на сегодняшний день могут даже не замечаться. Изменения превращены в обыденность, в то, что само собой разумеется. Это непрекращающаяся революция, динамика которой определяется уже не по присутствию или отсутствию перемен, а по интенсивности темпов развития.

Заглавную роль получают процессы, характеризующиеся описанными выше параметрами, но при этом протекающие на более глубоких уровнях конституирования социальной реальности. Это те процессы, которые определяют координаты возможных трансформаций в контексте формирования макроисторического трафика, форм категоризации социокультурных колебаний при воспроизводстве культурного кода. Уровни конституирования социальной реальности по традиции подразделяются на микросоциальный, макросоциальный и социетальный.

Описанные параметры возрастания интенсивности социального взаимодействия относятся в основном к микросоциальному уровню. Социокультурные процессы, институционализирующие общественную жизнь, взаимодействие крупных социальных групп в ходе развития государства и

нации как сложного конгломерата, с одной стороны, и субъекта общественной жизни – с другой, обнаруживают себя на макросоциальном уровне построения социальной реальности (Медведев, 2010. С. 110–111).

Исторические процессы, характеризующие эпоху модерна, приводят к возникновению такого типа социального уклада, который существенно отличается от прежних типов общественной организации и социальности в целом. В эпоху позднего модерна социальность нового типа формируется под влиянием многовекторных процессов глобализации/глокализации и массовизации/варваризации.

На сегодняшний день характерной чертой современной культуры и общественного сознания является именно массовизация. Элитарная культура, образование и наука выпадают из картины мира широких масс населения, ставших объектом манипулятивных, политических и контр-культурных технологий, апеллирующих к низменным инстинктам массового человека и превозносящим социальную значимость его потребностей.

Следствием глобальных социальных и демографических перемен стало то, что практически во всех областях социокультурной жизни массовость возросла беспредельно и массовая культура, сознание, психология, поведение, потребление стали создателем реальности и главным заказчиком социокультурных процессов. Современность отличает усиливающийся процесс вульгаризации этических и эстетических социальных ориентиров, вмешательство «варварства» в области, ранее закрытые для него, – культуры и политики (Чернов, 2010. С. 37).

Итальянский философ и культуролог У. Эко считал, что современного индивида отличает множественность идентичностей, жизненных стратегий и стилей, он оценивает их как постоянно сменяемые маски или сюжетные игровые роли. Формирующийся в условиях тотального информационного воздействия индивид, напичканный миллиардами бит целенаправленно отобранной информации, лишается способности самостоятельно и критически оценивать происходящие события (Эко, 1994).

Ж. Бодрийяр отмечает, что определяющая черта современной культуры – это значительная семиотическая нагруженность, подкрепляемая современными массмедиа. В информационном мире вместо реальности действует чистый знак, симулякр, который ее заменяет, благодаря чему утверждается иллюзия реальности (реальное заменяется знаками реального). Так глобальная симуляция становится ключевой чертой современности (Бодрийяр, 1995).

В пространстве глобализации, модернизации и массовости рассогласование устойчивых прежде культурно опосредованных приемов

взаимодействия с миром приводит к использованию готовых алгоритмов, которые целенаправленно внедряют в сознание современные массмедиа и массовая популярная культура.

Как отмечает В.Б. Пастухов, российские события – это отголосок мировых кризисных процессов. Западная массовая культура стала главным вызовом как локальным традиционным сообществам, так и всему человечеству. Она представляет собой изнанку жизнедеятельности постиндустриального общества, его вывернутое «исподнее», это своего рода «шлак, который отравляет всю культуру. Массовая культура оформилась как культура неограниченного и расточительного потребления» (Пастухов, 2006. С. 22–23).

Подчиняясь общим закономерностям индустриализма, становление массового общества в России проходило примерно те же этапы, что и на Западе, однако осуществлялось позднее и имело некоторые особенности.

По мнению Р.Н. Абрамова, массовая культура – доминирующий тип культуры, возникает в результате массовизации общества. Массовое общество есть не что иное, как стандартизированное общество. Стандарт охватывает не только сферы производства и управления, но и сферу досуга и потребления. В основе его – технология вне зависимости от сферы ее применения. Стандарт функционирует за счет технологических средств и механизмов, при помощи которых, собственно, он и реализуется (Абрамов, 2010. С. 190–191).

Справедливо мнение А.А. Кара-Мурзы о том, что культура объективно и неизбежно шла к своему «омассовлению» с того момента, как появилось общество индустриального типа. Вопрос лишь в том заключается, до какой нижней точки может опуститься массовая культура: достигнет ли она среднего арифметического уровня культуры индустриального общества, с присущими ему нормативно-правовой системой и шаблонными механизмами реализации демократических свобод, или же превратится в откровенную имитацию демократии и гражданских свобод, вплоть до наступления социального хаоса (Кара-Мурза, 1995).

По мнению Г.Л. Тульчинского, в таком обществе меняются оценка и социальная значимость труда, вместо ориентации на добросовестный труд, независимо от того, является ли он умственным или физическим, честного и справедливого взаимобмена результатами этой деятельности приходит стремление (присущее элитным слоям общества) превратить повседневность в непрерывный праздник жизни, преисполненной наслаждений. Такая установка и социальная среда благоприятствуют серой посредственности, видящей свою цель только в обогащении и потреблении всевозможных благ этого мира. Таким образом формируется постоянно растущий слой индиви-

дов, живущих в роскоши и совершенно оторванных (например, в ментальном и имущественном плане) от основной массы населения (Тульчинский, 2007. С. 139).

В пространстве современности сформировался массовый человек с набором определенных черт, таких как духовная неразборчивость и нетребовательность, потребительская ненасыщаемость, прагматичность и при этом эмоциональность, отсутствие критического мышления. Подобные качества делают человека идеальным объектом манипулирования и управления.

Среди массовых людей становится еще больше маленьких людей, незаметно проживающих свою бесцветную, неотличимую от других, обезличенную жизнь, как пишет В.И. Самохвалова. Таких людей, пропавших для культуры и общества, можно назвать «прожившими без вести» (Самохвалова, 2003. С. 128).

Тем самым современный массовый человек утратил высокие ценности и нормативные критерии. Жизнь его оказалась помещенной в контекст переоценки всех ценностей, норм и стандартов. Как следствие, в социальных практиках наблюдается сдвиг всей системы традиционных культурных аттракторов, узаконение инстинктов, воспевание пороков, сбивающих человека с пути нормального восприятия и мышления. Во славу броскости, внешнего эффекта, развлекательности благословляется любое попрание логики и здравого смысла, любое извращение нормы вещей и ценностей (Самохвалова, 2007).

Сущностные характеристики унифицированной массовой культуры, подвергаясь воздействию тенденций глобализации, не меняют свою суть, но меняют условия и форму существования. А.В. Захаров считает, что это положение дел заметно затрудняет общественные отношения и создает социально-культурные конфликты и рассогласованность. Дальнейшие пути развития массового общества в России определяются тем, в какой мере будут решены проблемы незавершенных процессов демилитаризации экономики, формирования эффективно работающего потребительского рынка, устойчивого среднего класса, создания институтов гражданского общества. А также насколько успешно страна сможет освоить технологии и социально-культурные эталоны постиндустриального времени (Захаров, 2003. С. 16).

Вся совокупность вызовов общества потребления также диктует свои условия. Россия развивается в логике консюмеристской идеологии. Эта идеология значительно упрощает все многообразие социальных практик и отношений, под влиянием идеологии потребления направляя их преимущественно на присвоение материальных ценностей.

Потребительские ориентации начинают доминировать и определять социальные стратегии не только в материальном ключе, но и в духовном. Примитивизирующее воздействие массовой культуры заключается в том, что функциональное многообразие культуры общества она редуцирует к разнообразным видам развлекательных практик. У массового индивида настолько исчезает потребность в творчестве, что он, исподволь втянутый в игровое поле развлечений, даже не замечает, что эти удовольствия ему навязаны внешней силой, формирующей его привычки и единообразные модели поведения (Самохвалова, 2003).

В свою очередь, П.А. Сорокин писал о кризисе массовой культуры, инициированном ее чувственным характером, фиксирующим внимание на упрощенных, доступных культурных эталонах. Проблематика, связанная с негативным влиянием массовой культуры на общество, поднимается в трудах представителей Франкфуртской школы (Т. Адорно, Г. Маркузе, Э. Фромм, М. Хоркхаймер). Эти теоретики рассматривают массовую культуру как один из инструментов воздействия и эксплуатации человека, его внедрения мягкими методами в мир производительной рациональности, для чего требуется упрощение его личности (Хагуров, 2007).

В настоящее время массовая культура становится влиятельным, независимым, особым феноменом, формой самоощущения человека в мире и его самовыражением. Мир фальсифицированных продуктов и таких же свобод, ненастоящих переживаний и суррогатов ценностей. Виртуальная жизнь в компьютерных играх и детективах – это фальсифицированный мир современного человека (Самохвалова, 2003).

Описанные процессы, влекущие за собой унификацию и оскудение ценностей и моделей, примитивизацию устремлений и ориентиров личности, сопряжены с выходом современных обществ за культурные пределы модерна с его созидательностью и высокими этическими запросами. Однако пересечение этих процессов с упрощением и деструкцией более сложных социальных структур, связанными с архаизацией, чревато деформацией социальных практик, как повседневных, так и организационно-управленческих. Ориентация на потребление и материальное обогащение, превратившись в доминанту на массовом уровне, находят проявление в ожесточенном стремлении чиновников как высших, так и низовых уровней использовать свое служебное положение в целях достижения личного обогащения и укрепления сословно-корпоративных связей. В России сложилась ситуация абсолютной зависимости бизнеса от органов государственной власти (и даже силовых), позволяющая чиновникам получать высокий доход от своей должности. Разумеется, это чистейшая коррупция, ставшая «законной» частью экономической и государственной системы. Утвержда-

ющиеся в обществе сословность и корпоративность, разная правовая ответственность перед законом элиты и простых граждан, поддерживаемая и воспроизводимая правящей элитой, входят в непримиримое противоречие с «логикой динамичного развития современного общества» (Рябов, 2008. С. 5).

С этим непосредственно связано стремление к выходящему за все рамки демонстративному потреблению, приобретающему порой поистине архаические, языческие масштабы.

В 90-е гг. XX в., после распада Советского Союза, в хаотичной среде социальных взаимодействий начали формироваться структурные элементы, которые в дальнейшем использовались в строительстве нового Российского государства. Образно говоря, право на жизнь получали более сильные, хитрые, ловкие, легко адаптирующиеся к новым условиям, т. е. «вписавшиеся в рынок» (А. Чубайс). Сложившаяся социальная действительность стала вызовом как для простых граждан, так и для прежней элиты. Граждане, на протяжении поколений полагающиеся на поддержку со стороны государства, разбалованные советским патернализмом, оказались в непростых условиях «дикого капитализма». И так же, в лучших традициях социального дарвинизма, произошел отбор той части элиты, которая оказалась более функционально адаптивной и приспособленной к новым условиям (Российская элита – 2020, 2020).

Сопоставляя Китай и Россию, некоторые исследователи с горечью отмечают, что если в Китае Дэну Сяопину удалось провести модернизацию четырех важнейших секторов страны: армии и ВПК, науки, аграрно-животноводческого и индустриально-технологического, то в России во времена президента Б.Н. Ельцина, напротив, наблюдались четыре архаизационных процесса: в научной сфере, армии и ВПК, промышленности, аграрно-животноводческом комплексе, к которым чуть позже прибавился пятый процесс, распространивший архаизацию на человеческий и интеллектуальный капитал, в том числе на его цели и объект приложения (Кудрявцев, 2011).

Несмотря на погружение страны в «дикий капитализм» в 1990-е гг., а во многом и в качестве реакции на него, как отмечает Ю.Н. Афанасьев, в России происходит разворот, связанный с возвратом в докапитализм; возможно, «архаика потому и становится нормой, заполняя собою все поры современного жизнеустройства, что никогда и не преодолевалась, а, напротив, ее многие десятилетия, а то и столетия власть, пытаясь вырваться вперед, лишь загоняла вглубь?» (Афанасьев, 2001).

При этом, как подмечает М. Делягин, негативное отношение к советской цивилизации проявляется в одностороннем свете у правящей Россией

элиты – последовательно искореняется все то, что является бесспорным достижением советской эпохи в социальной сфере, в системе образования, в поддержании межнационального мира, а в тех сферах, в которых СССР действительно отставал, вызывал возмущение, что и довело его до краха, наблюдается трепетная реставрация и энергичное усугубление. В итоге в постсоветскую реальность вернулся повседневный быт самых уродливых черт советской жизни, хоть они и были объявлены искорененными демократами (Делягин, 2011).

Действительно, советское общество и свойственные ему социальные практики не следует рассматривать как архаические лишь потому, что некоторая значимая их часть не соответствовала либеральным представлениям о развитом социуме. Однако после неуспеха первой фазы системных реформ наметился тренд, связанный с ориентацией на реставрацию определенных управленческих практик советского периода. Отделенные от остальных институциональных практик советского общества, составлявших его преимущества, в первую очередь в социальной сфере, практики административно-силового управления являются инструментом и следствием архаизации общественных отношений, хозяйственно-экономической жизни, культуры.

Одним из важных следствий архаизации социальных практик стало массовое распространение имитации (Неклесса, 2011). Имитативные практики, суть которых заключается в отрыве внешнего, презентационного компонента, видимости, от реального результативного действия, направлены на создание иллюзорной эффективности. Поведение, сущность которого не в реальном действии, которое призвано изменить ситуацию, внести в нее новые черты и свойства, предложить инновационные решения, а в стремлении скрыть бездействие или безрезультатность действий, изобразить активность там, где ее нет, – одна из архаических форм адаптации к сложным ситуациям. Распространенность имитационных практик в современном российском обществе – одно из наиболее отчетливых проявлений его архаизации.

В социуме, социальные практики которого в значительной мере отмечены присутствием имитационных компонентов, массовый человек как социальный тип, сформированный унифицированной культурой потребления, чувствует себя комфортно, поскольку не берет на себя ответственность за результаты деятельности.

Другим проявлением архаизации социальных практик как способа выживания в сложных и неопределенных условиях, по мнению известного философа-традиционалиста Р. Вахитова, стало то, что он назвал «народным коммунизмом», который стихийно возник как реакция на навязываемую властями либеральную рыночную экономику (Вахитов, 2009). Этот «народный коммунизм», получивший распространение в некоторых регионах

страны, посредством традиционной общинной организации индивидов сыграл важную роль в их выживании в тяжелейших условиях переходного периода. Однако мы не можем согласиться с выводами Вахитова, поскольку считаем, что он преувеличивает потенциал («крепость общинного духа») и распространенность общинных устремлений среди населения.

Архаизация социальных практик тесно связана с оскудением универсума культуры, искусства, литературы, использованием их в качестве инструментов пропагандистского давления и конструирования настроений и оценок, легитимизирующих сложившийся социальный порядок. Так происходит политизация религии, литературы, искусства, медицины, науки, трансформация и смешение смыслов и культурных кодов, их намеренная примитивизация (Хоружая, 2008). В этом контексте получают дополнительный импульс технологии политического манипулирования, влияния и лоббирования – включается весь набор процедур, методик, способов воздействия на текущий политический процесс – предоставляющие тому или иному актору возможность наиболее эффективного осуществления намеченных целей и задач (Обухов, 2011. С. 83–84).

Ряд исследователей проследили процессы архаизации социальных практик, обращаясь к феномену неуставных отношений, или так называемой дедовщины, в российской армии.

Они пришли к определенным выводам. Так, например, С. Королев считает, что неуставные отношения основываются на инстинктивном подавлении сильным более слабого, они представляют собой самоуправство, аналогичное телесным наказаниям в дореволюционной России (Королев, 2009). По сути это нелегитимные и даже преступные формы поведения, ставящие своей целью подавление избранной жертвы, которые распространены в традиционных мужских сообществах, в которых ценится физическая сила, выступающая в качестве главного регулятора социальных отношений.

А.Ю. Солнышков отмечает, что в дореформенной российской армии наблюдались противозаконные формы взаимоотношений среди личного состава, которые, оказывая моральное и физическое воздействие на военнослужащих из числа призывников, существенным образом снижали эффективность управления и боеспособность, провоцируя порой преступные действия с их стороны. Они отрицательно влияют на общественные представления о воинской службе и ее престиже, наносят большой ущерб здоровью солдат и даже отнимают у них жизнь (Солнышков, 2008).

К.Л. Банников, изучавший сложившуюся систему неуставных репрессивных отношений среди военнослужащих, обратил особое внимание на сопутствующие ей знаковую и символическую маркировку неформальной иерархии в солдатской среде, семиотику и семантику спонтанной агрессии

и насилия и возможные способы их преодоления. Он отметил наблюдающуюся дегенеративную десоциализацию и ресоциализацию жертв насилия, а также примитивную архаизацию коллективного сознания военнослужащих. Сделанные им выводы говорят о том, что в армейской среде перестают работать те модели поведения, интерпретационные схемы, которыми руководствовались люди в период своей гражданской жизни до призыва в армию. Они максимально примитивизируются и становятся почти бесполезными.

Предельное упрощение когнитивных и поведенческих комплексов влечет за собой деградирующую деформацию всех стратегий мышления и действия в жизнедеятельности индивидов, в силу этого ревитализируются примитивные архаические формы агрессивно-доминантных отношений, получающие выражение в быстро образующемся комплексе статусно-ролевых отличительных символов и «поведенческих стереотипах, близких к первобытным» (Банников, 2002).

Аналогичны и практики, сложившиеся в российской пенитенциарной системе. Министерство юстиции РФ отдает себе отчет в том, что пенитенциарная система отличается жестокостью, слабо поддается преобразованиям и пребывает в состоянии «чудовищно архаичном». В исправительной системе до сих пор не изжиты многие «вертухайские порядки» «еще времен ГУЛАГа, а может быть, и дореволюционной каторги». Эта система не ориентирована на исправление, напротив, она калечит психику людей, попавших в нее, что в итоге стимулирует правовой нигилизм, асоциальные и антигосударственные настроения среди населения. «Мы имеем громоздкую, дорогостоящую, допускающую постоянную репродукцию преступности систему исполнения уголовных наказаний, несущую в себе системные риски для безопасности страны» (Орехъ, 2011).

Одним из наиболее впечатляющих свидетельств архаизации является наличие рабского труда, о котором порой говорится в криминальных сводках. Граждан, попавших в рабство, под угрозой физического насилия или расправы принуждают к тяжелому труду или оказанию сексуальных услуг. Их незаконно лишают свободы, у них изымают паспорта или другие документы. Они подвергаются беспрецедентному психологическому давлению и шантажу. Некоторые попадают в долговую кабалу (из-за долгов по кредитам) или лишаются своего жилья в результате мошенничества черных риелторов. Исследователи отмечают изобретательность преступников, вводящих в свою практику все более циничные методы принуждения к рабскому труду (Принудительный труд в современной России ... , 2004. С. 96).

В некоторых регионах наблюдается явный регресс к доиндустриальным формам экономических и трудовых отношений, товарному или сырье-

вому взаимообмену, немалое число людей занято натуральным хозяйством, охотой, ловлей рыбы и собирательством. Архаичные формы хозяйствования представляют собой серьезную социальную проблему, поскольку сужают и примитивизируют сознание вовлеченных в них людей, обостряют местнические чувства, этническую обособленность, ксенофобию, клановость и националистические настроения. Мир рассматривается через призму свой – чужой, то, что относится к категории «чужой», может нещадно эксплуатироваться, облагаться поборами («данью») и даже уничтожаться. Такая асоциальная установка способствует росту организованной преступности (Серенко, 2009).

Характерной чертой архаизации социальных практик является ослабление системы культурных запретов, расшатывание норм, маргинализация поведения, пробуждение низменных разрушительных инстинктов: когда культурные образцы, относящиеся к недеформированной традиции, вытесняются ценностями и идеалами нижних или маргинальных социальных страт, снижается регулятивная функция культуры, поддерживая социально одобряемые модели поведения и мировосприятия и табуируя деформированные (Самойлов, 2004).

Таким образом, процесс архаизации общественных отношений и структур в условиях вызовов постиндустриальной цивилизации и доминирования массовой культуры во многом определяется тем, что в российском обществе последствия глобализации наслаиваются на процессы деконструкции элементов прежнего социального уклада. Формирующаяся социальная действительность, подвергающаяся влиянию архаизационных процессов, характеризуется рискогенными тенденциями, затрагивающими ценностную систему общества, деформируя ее, что, в свою очередь, ведет к кризису идентичности, доминированию деструктивных и антисоциальных стратегий адаптации, имитативных практик, все большему отчуждению граждан от участия в политической жизни.

Началась более масштабная традиционализация общества, апелляция к во многом «выдуманному» прошлому, возврат к архаическим, примитивным в своей основе мифологизированным массовым представлениям. К сожалению, намеренная и целенаправленная архаизация в руках чиновников становится инструментом сохранения их властных полномочий. При этом остается за бортом возможный позитивный потенциал, который несет в себе недеформированная традиционная культура.

Распространение образцов массовой культуры стимулирует пробуждение и выход на поверхность примитивных, архаических пластов бессознательного психического, однако «постиндустриальная», или «современная архаика», как подчеркивают исследователи, «отличается от архаики до-

исторического периода и использует самые современные достижения технического прогресса, что, впрочем, не меняет ее социокультурной и социопсихической сущности» (Штомпель, 2010. С. 38).

Резюме

В заключение статьи необходимо сделать ряд выводов.

Процессы архаизации могут быть инициированы в тот момент существования социума, который даст возможность возникновения объективным и субъективным предпосылкам для актуализации архаических пластов ментальности народа и свойственных данной культуре примитивных форм социальной организации. Внешним фоном для этого процесса могут быть и гораздо более сложные процессы глобального масштаба, связанные с утверждением и продвижением современных постиндустриальных ценностей, структур и моделей. Тем самым формируется социокультурный контекст, в котором могут накладываться друг на друга противонаправленные процессы усложнения и примитивизации, локальной сепарации и глобализации. В этом контексте и реализуются модели «множественных современностей» с тем или иным масштабом инкорпорирования локальных архаических структур и практик. Но в этом же контексте возможно такое совмещение старого и нового, в рамках которого архаизационные тенденции доминируют, и тогда включаются и набирают силу тенденции демодернизации, критического упрощения и деструкции современных институциональных практик или превращения их в фасадные, чисто презентационные формы, за которыми скрывается та же социальная архаика.

Демодернизация продуцирует специфические социальные риски, связанные как с деструкцией экономики, деиндустриализацией, развалом промышленности вместо ее развития и перехода на новый уровень, так и с примитивизацией и упадком культуры. Последние из упомянутых рисков еще опаснее, поскольку касаются сферы, в которой формируются ценностно-нормативные ориентиры и мотивации социальных практик всех уровней, складывается социетальная идентичность. Архаизация в сфере культуры, накладываясь на эффекты глобальных процессов культурной унификации, массовизации и консюмеризации культуры, приводит к формированию культурных гибридов, в которых редуцировано облагораживающее влияние высоких классических образцов и ценностей. Социальный тип человека массы, сформированный индустриальным обществом и являющийся основным потребителем массовой культуры, «одномерный человек» по характеристике Г. Маркузе, лишенный духовных измерений, поскольку находится вне культурной традиции, однако остающийся носителем архаических пластов психики, легко интегрируется в поток архаизации. Массовое сознание,

лишенное иммунитета, прививаемого традиционной культурой, интериорирует эклектические симулякры и гибриды, синтезированные из выхолощенных структур старого и нового символического порядка, подпадает под манипуляции и квазиидеологическую суггестию, влияние тоталитарных сект, становится носителем суеверий, религиозного фанатизма. В то же время человек массы уже отмечен «родимыми пятнами» привнесенной глобализацией культуры общества потребления: он не ориентирован на ценности созидания, творчества, социально индифферентен, инертен, отчужден от свободы и ответственности. На это наслаиваются черты, пробужденные архаизацией: возросшая агрессивность в достижении своих частных целей и интересов, готовность к неправовым практикам, социальной имитации и другим деструктивным адаптационным стратегиям, позволяющим выживать в изменившемся обществе.

Литература

Абрамов Р. Н. Трансформация массовой культуры как индикатор социетальных изменений: на примере российского общества // Российское общество в современных цивилизационных процессах / под ред. В.В. Козловского, Р.Г. Браславского. СПб.: Интерсоцис, 2010.

Антонова Н. Л. Социальная практика: теоретико-методологические основания исследовательского анализа // Известия Уральского государственного университета. 2009. № 4 (70).

Афанасьев Ю. Опасная Россия. Традиции самовластья сегодня. М., 2001. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.yuri-afanasiev.ru/dangerous_rus/glava1.htm.

Банников К. Л. Антропология экстремальных групп. Доминантные отношения среди военнослужащих срочной службы Российской армии. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2002. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lib.rus.ec/b>.

Бодрийяр Ж. Система вещей. М.: Рудомино, 1995.

Вахитов Р.Р. Как мы выживали в 1990-е, или Народный коммунизм как ответ на вызов «дикого капитализма» // Философия социальных коммуникаций. 2009. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://redeurasia.narod.ru>.

References

Abramov, R. N. (2010). The transformation of mass culture as an indicator of societal changes: on the example of Russian society. *Russian society in modern civilizational processes*. V. V. Kozlovskii, R. G. Braslavskii (Eds.). St. Petersburg: Inter-socis Publ. (In Russian).

Antonova, N. L. (2009). Social Practice: Theoretical and Methodological Foundations of Research Analysis. *Izvestia Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*, 4 (70). (In Russian).

Afanasyev, Y. (2001). *Dangerous Russia. Traditions of autocracy today*. Moscow. Available at: http://www.yuri-afanasiev.ru/dangerous_rus/glava1.htm. (In Russian).

Bannikov, K.L. (2002). *Anthropology of Extreme Groups. Dominant attitudes among conscripts of the Russian Army*. Moscow: In-t etnologii i antropologii RAN. Available at: <http://lib.rus.ec/b>. (In Russian).

Baudrillard, J. (1995). *The System of Things*. Moscow: Rudomino Publ. (In Russian).

Vakhitov, R.R. (2009). How we survived in 1990's, or People's communism as an answer to the challenge of "wild capitalism". *Filosofiya sotsial'nykh kommunikatsiy*. Available at: <http://redeurasia.narod.ru>. (In Russian).

Weber, M. (1990). Basic sociological concepts. Trans. from German M. I. Levina. *Selected works*. Moscow. (In Russian).

Volkov, V.V., Kharkhordin, O.V. (2008).

- Вебер М. Основные социологические понятия / пер. с нем. М. И. Левиной // Избранные произведения. М., 1990.
- Волков В.В., Хархордин О.В. Теория практик. СПб., 2008.
- Делягин М. Возвращение «совка» // Ежедневный журнал. 2011. 19 окт. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ej.ru>.
- Дондурей Д. Главные вызовы России сегодня – качество личности // Русский журнал. 2009. 19 нояб.
- Заславская Т.И. Социоструктурный аспект трансформации российского общества. М., 1997.
- Захаров А.В. Массовое общество и культура в России: социально-типологический анализ // Вопросы философии. 2003. № 9.
- Кара-Мурза А.А. «Новое варварство» как проблема российской цивилизации. М.: ИФ РАН, 1995. С. 114–121.
- Королев С.А. Модернизация и демодернизация в российской истории // Философия и культура. 2009. № 1. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sergeikorolev.sitcity.ru>.
- Кудрявцев М., Миронин С., Скорынин Р. Кризис в России: аналитическая справка. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.contrtv.ru/2011/10/17>.
- Медведев В.А. Развитие человека в условиях стремительного роста темпов социальной и культурной динамики // Российское общество в современных цивилизационных процессах / под ред. В.В. Козловского, Р. Г. Браславского. СПб.: Интерсоцис, 2010.
- Некlessа А. Праведное дело. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.intelros.ru/2011>.
- Обухов Д.В. Потенциал политического менеджмента в конкурентной среде современного российского общества. Ростов н/Д.: СКНЦ ВШ, 2011.
- Орехъ А. Мы живем в условиях ГУЛАГа и царской каторги // Эхо Москвы. 2011. 21 сент.
- Пастухов В.Б. Затерянный мир. Русское общество и государство в межкультурном пространстве // Общественные науки и современность. 2006. № 2.
- Theory of practice. Saint Petersburg. (In Russian).
- Delyagin, M. (2011). The return of "sovka". *Yezhednevnyi Zhurnal*. October 19. Available at: <http://www.ej.ru>. (In Russian).
- Dondurey, D. (2009). The main challenges for Russia today - the quality of a person. *Russkiy zhurnal*. November 19. (In Russian).
- Zaslavskaya, T.I. (1997). Sociostructural aspect of the transformation of Russian society. Moscow. (In Russian).
- Zakharov, A.V. (2003). Mass society and culture in Russia: socio-typological analysis. *Voprosy filosofii*, 9. (In Russian).
- Kara-Murza, A.A. (1995). New Barbarism as a Problem of Russian Civilization. Moscow: IFE RAN Press, 114-121. (In Russian).
- Korolev, S.A. (2009). Modernization and demodernization in Russian history. *Filosofiya i kul'tura*, 1. Available at: <http://sergeikorolev.sitcity.ru>. (In Russian).
- Kudryavtsev, M., Mironin, S., Skorynin, P. Crisis in Russia: analytical note. Available at: <http://www.contrtv.ru/2011/10/17>. (In Russian).
- Medvedev, V.A. (2010). Human development in a rapidly increasing rate of social and cultural dynamics. *Russian Society in Modern Civilization Processes*. V.V. Kozlovskiy, R. G. Braslavskiy (Eds.). Saint Petersburg: Intersocis Publ. (In Russian).
- Neklessa, A. Righteous deed. Available at: <http://www.intelros.ru/2011>. (In Russian).
- Obukhov, D.V. (2011). Potential of political management in the competitive environment of modern Russian society. Rostov-on-Don: SKNTs VSH Press. (In Russian).
- Orekh, A. (2011) We live in the conditions of Gulag and tsarist hard labor. *Echo of Moscow*. September 21. (In Russian).
- Pastukhov, V.B. (2006). The Lost World. Russian society and state in intercultural space. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, 2. (In Russian).
- Forced Labor in Modern Russia. Unregulated Migration and Human Trafficking. (2004). Moscow. (In Russian).
- The Russian Elite – 2020. Analytical report of the grantees of the International Discussion Club "Valdai". Available at: http://vid-1.rian.ru/ig/valdai/Russian_elite_2020_rus.pdf. (In

Принудительный труд в современной России. Нерегулируемая миграция и торговля людьми. М., 2004.

Российская элита – 2020 : аналитический доклад грантополучателей Международного дискуссионного клуба «Валдай». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://vid-1.rian.ru/ig/valdai/Russian_elite_2020_rus.pdf.

Рябов А. Возрождение «феодальной» архаики в современной России: практика и идеи // Московский фонд Карнеги. Серия «Рабочие материалы». 2008. № 4.

Самойлов Е. В. Культурные запреты как фактор экономической деятельности : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Ростов н/Д., 2004.

Самохвалова В.И. Массовая культура как парадигма утверждения нетворческого бытия // Полигнозис. 2003. № 3 (23). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.polignozis.ru>.

Самохвалова В.И. Массовый человек как герой и потребитель масскультура // Массовая культура и массовое искусство. «За» и «против». М.: Гуманитарий, 2003.

Самохвалова В.И. Человек современного массового общества и проблема креативности // Полигнозис. 2007. № 1 (29). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.polignozis.ru>.

Сергеев Д. Социально-культурная ситуация в России начала XXI в.: рецидивная культура, архаизация, изобретенная архаика // Мир России. 2012. № 21(3). С. 100–118.

Серенко А. Архаический реванш // Независимая газета. 2009. 18 февр.

Солнышков А.Ю. Неформальные отношения военнослужащих, проходящих службу по призыву, в ситуации управленческого взаимодействия : автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2008.

Тульчинский Г.Л. Культура в шопе // Нева. 2007. № 2.

Хагуров Т.А. Дисфункции процессов социализации и социального контроля в условиях экспансии массовой потребительской культуры (проблемы девиантологического анализа) : автореф. дис. ... д-ра социол. наук. М., 2007.

Russian).

Ryabov, A. (2008). Revival of "Feudal" Archaic in Modern Russia: Practice and Ideas. *Moskovskiy fond Karnegi. Seriya «Rabochiye materialy»*, 4. (In Russian).

Samoilov, E. V. (2004). Cultural bans as a factor of economic activity. (Doctoral Dissertation, Rostov-on-Don). (In Russian).

Samokhvalova, V. I. (2003). Mass culture as a paradigm of affirmation of noncreative being. *Polynogozis*, 3 (23). Available at: <http://www.polignozis.ru>. (In Russian).

Samokhvalova, V. I. (2003). Mass man as a hero and consumer of masscult. *Mass culture and mass art. "For" and "against"*. Moscow: Gumanitarny Publ. (In Russian).

Samokhvalova, V.I. (2007). Man of modern mass society and the problem of creativity. *Polygnosis*, 1 (29). Available at: <http://www.polignozis.ru>. (In Russian).

Sergeev, D. (2012). Socio-cultural situation in Russia in the early XXI century: recurrent culture, archaization, invented archaicism. *Mir Rossii*, 21(3), 100-118. (In Russian).

Serenko, A. (2009). Archaic revanche. *Nezavisimaya Gazeta*. February 18. (In Russian).

Solnyshkov, A.Yu. (2008). Informal relations of conscript servicemen in the situation of managerial interaction. (Candidate Dissertation, Moscow). (In Russian).

Tulchinskiy, G.L. (2007). Culture in a Shop. *Neva*, 2. (In Russian).

Khagurov, T.A. (2007). Dysfunctions of processes of socialization and social control in the conditions of expansion of mass consumer culture (problems of the deviantological analysis). (Doctoral Dissertation, Moscow). (In Russian).

Khoruzhaya, S.V. (2008). The meaningful sphere of culture: modes of crisis development. (Doctoral Dissertation, Rostov-on-Don). (In Russian).

Chernov, G.Yu. (2010). Establishment of the science of masses: the contribution of J. Jaspers and J. Baudrillard, current Tasks. *Modern social and mass phenomena: the essence and the research problems. Materials of the All-Russian scientific and practical conference* (May 18, 2010). Chelyabinsk: Ural'skaya akademiya gosudarstvennoy sluzhby. (In Russian).

Shtompel, L.A., Shtompel, O.M. (2010).

Хоружая С.В. Смысловая сфера культуры: модусы кризисного развития: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Ростов н/Д., 2008.

Чернов Г.Ю. Становление науки о массах: вклад К. Ясперса и Ж. Бодрийяра, современные задачи // Современные социально-массовые явления: сущность, проблемы исследования: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (18 мая 2010 г.). Челябинск: Уральская академия государственной службы, 2010.

Штомпель Л.А., Штомпель О.М. Архаизация современной культуры: необходимость или случайность? // Ценности и смыслы. 2010. № 1 (4).

Эко У. Средние века уже начались // Иностранная литература. 1994. № 4. С. 258–267.

Archaization of modern culture: necessity or accident? *Tsennosti i smysly*, 1 (4). (In Russian).

Eco, W. (1994). The Middle Ages have already begun. *Inostranaya literature*, 4, 258-267. (In Russian).

Для цитирования: *Ситников А. П.* Архаизация социальных практик в условиях вызовов и кризисов современной российской реальности // Гуманитарий Юга России. 2021.5 (51). С. 54–72.
DOI 10.18522/2227-8656.2021.5.3

История статьи:
Поступила в редакцию – 27.08.2021 г.
Получена в доработанном виде – 30.09.2021 г.
Одобрена – 18.10.2021 г.

Сведения об авторе

Ситников Алексей Петрович

Доктор экономических наук, профессор,
Южно-Российский гуманитарный институт

344000, г. Ростов-на-Дону, ул.
Красноармейская, 108,
e-mail: urgi@urgi.info

Information about author

Aleksey Petrovich Sitnikov

Doctor of Economic Sciences, Professor,
South-Russian Institute for the Humanities

108 Krasnoarmeiskaya St.,
Rostov-on-Don, 344000,
e-mail: urgi@urgi.info